

Глава 10

Долой «потёмкинщину»!

Россия нуждается в радикальном переосмыслении пути своего современного развития. Самокоррекции нерационального использования населения и ресурсов под воздействием рыночных сил не произойдет. Существующей системе присущи политика понуждения к тому, чтобы все делалось кое-как, чтобы все оставалось «более или менее как прежде» и чтобы изыскивались технические решения урегулирования проблем холода и отдаленности. Но даже если и не существовало бы политических препятствий на пути самокоррекции, деформация российской экономической географии слишком значительна. А история есть история, и мы не можем перемотать ее назад, как пленку. Более чем семидесятилетнее советское правление полностью изменило экономические и политические параметры России.

Итак, холодный климат, огромные расстояния и разрозненность промышленных центров создают дорогостоящие и долгосрочные препятствия на пути развития России. С точки зрения экономической эффективности, России в идеале необходимо, так сказать, «сблизиться с самой собой», или «сжаться», став соединенней и теплее, а людям – переселиться из Сибири в западные и южные регионы Российской Федерации. Кто-то может сказать, что это уже происходит. Тенденции, обозначившиеся в 1990-х годах, продолжают сохраняться с развитием рыночной экономики и появлением новых возможностей для мобильности и свободного выбора места жительства. Означает ли это, что Россия со временем добьется оптимального распределения населения и, следовательно, ее экономическая география станет оптимальной? Отвечая кратко, мы говорим – нет.

Россия оказалась в том положении, которое сложилось, скажем, в 1990 году, непосредственно перед развалом СССР, только в результате того исторического пути, который она прошла в годы советской власти, а также вследствие переломных моментов (1914-й, 1917-й, 1926 годы – соответственно, начало Первой мировой войны, Октябрьская революция, введение системы централизованного планирования). В «Виртуальной альтернативе» – игре воображения Татьяны Михайловой (см. главу 3) – нам преподносится гипотетическое государство, которым могла стать Россия, не став она Советским Союзом. Михайлова анализирует гипотетический 1990 год во-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

ображаемой России, которая никогда не была советской. Важно понять, что хотя Россия и вышла после 1914-го на реальный 1990 год и теоретически могла преодолеть расстояние между 1914-м и виртуальным 1990 годами, сейчас не может прийти от своего современного состояния к виртуальному 1990 году. Между двумя этими пунктами в реальности существует зияющая пропасть. Другими словами, первый наилучший выход, который можно было бы представить для России в 1914 году, более недостижим. Поэтому нужно смотреть фактам в лицо: Россия – единственная страна, в которой так много людей проживают в холодных и удаленных местах. Этим обуславливается определенная часть перманентного бремени ее затрат – своего рода «налог на холод и удаленность», который советское планирование оставило в наследство современной России. В такой ситуации можно говорить о втором наилучшем выходе – нахождении чего-то среднего между реальным 1990 годом и виртуальным 1990 годом. Таким путем это бремя можно облегчить.

Очевидный и наиболее важный вывод таков: России нельзя двигаться своим теперешним курсом, особенно делая упор на повторное освоение Сибири. Понятно, что в Сибири преобладает следующее мнение: «Государство привело нас сюда, и оно же должно о нас позаботиться». Больше субсидий из центра, преференциальные тарифы, энергосберегающие технологии, создание новой инфраструктуры и появление новых средств связи – все это рассматривается как части комплексного подхода к решению сибирских проблем и наведения мостов через пропасти расстояния между ее городами, вместо того чтобы побуждать людей к переселению.

Как писал американский географ Лесли Динс (Leslie Dienes) в 2002 году, подобная серия технических решений была бы чрезвычайно сложна ввиду масштабности проблем, даже если бы в распоряжении российского правительства и имелись новые ресурсы: «Будущее оставленных на милость рыночных сил миллионов тех, кто живет в заброшенных российских бескрайних, с суровой окружающей средой пространствах и в сельском захолустье, представляется мрачным. Теоретически возможно со временем преодолеть препятствия, создаваемые мертвым пространством сельской глубинки, которая является неотъемлемой составляющей «архипелага Россия» (города), европейской части Урала и, возможно, соседних с ней регионов Западной Сибири, и в значительной степени привести их в соответствие с господствующей географической тенденцией... предполагая, что политика экономического возрождения и целенаправленных инвестиций, транспорт и информационная технология окажутся в состоянии восторгествовать над этим вакуумом»¹.

Глава 10. Долой «потёмкинщину»!

Динс признает, что победить отдаленность Восточной Сибири, скорее всего, будет невозможно ни при каких обстоятельствах. Даже в западных регионах Сибири и на Урале потребовались бы гигантские ресурсы и значительное время для создания развитой сети автотрасс, железных дорог, авиамаршрутов, телекоммуникационной инфраструктуры, необходимых, чтобы заполнить этот вакуум. Рассматривая проблему как следствие большого инфраструктурного дефицита, Динс, однако, подобно другим экспертам по России, исходит из того, что города в Сибири – это «настоящие» города, которые просто надо связать друг с другом, чтобы региональная (и национальная) экономика заработала. Но, как мы уже пытались показать в этой книге, это вовсе не «настоящие» города. Основная проблема регионального развития в России – это *не* недостаточно развитая инфраструктура между этими городами, а то, что самих этих городов не должно было быть там, где они есть. Даже если эти города и было бы возможно связать физически, путем создания новой инфраструктуры, то их экономические связи не упрочились бы. Улучшенные авто- и железнодорожные связи просто облегчили бы и сделали бы более удобной (но необязательно существенно более дешевой) транспортировку природных ресурсов и завоз топлива, пищи и других ресурсов, в то время как люди в этих городах оставались бы отрезанными от более или менее значимого участия как в российской, так и в глобальной экономиках².

Многие сибирские города – искусственные, нерационально расположенные города. Это – «потёмкинские города», если использовать старую метафору. Как свидетельствуют исторические источники, в 1787 году Екатерина Великая в сопровождении австрийского императора Иосифа II и послов ведущих европейских государств совершила путешествие по вновь присоединенным землям побережья Черного моря и Крыма. Стремясь доставить удовольствие своей императрице и показать иноземным гостям, как быстро новые южные земли были заселены россиянами, князь Григорий Потёмкин, генерал-губернатор этого края, разбросал по пути следования Екатерины группы спешно изготовленных макетов домов и хозяйственных построек. На расстоянии постройки сходили за деревни, чего оказалось достаточно, чтобы обмануть высочайших гостей. Так «потёмкинские деревни» вошли в историю как «липовые» строения с похожими на настоящие фасадами и прочими фальсификациями.

Что касается современных сибирских городов, было бы лучше, если бы они вправду были «потёмкинскими» – построенными напоказ с минимальными затратами и демонтированными, когда

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

надобность в них прошла. Но сибирские города были построены из настоящих строительных материалов и заселены людьми. Те люди верили, что эти города настоящие и имеют какое-то предназначение, что они – не подделка. В результате содержать «потёмкинские города» сегодня чрезмерно дорого, но снести их еще сложнее и дороже.

Изменение ментальной географии России

Если задуматься над «сносом» этих «потёмкинских городов», а значит, и над реальными изменениями в России, объективные препятствия на пути к уменьшению города (см. главу 8) окажутся не единственными проблемами. Психологические барьеры на пути перемен тоже будет сложно, если не сказать – еще сложнее, преодолеть. В конечном счете предпосылкой для изменения экономической географии России будет изменение ментальной географии России. Россиянам придется отказаться от своего двойственного отношения к своей политической ориентации, одновременно навязывающей экономическую интеграцию с Западом, сохранение «евразийского» профиля России и гордость достоинствами «Арктогеи». Такое раздвоение препятствует развитию, и в нем заключается главная дилемма российского существования. Россия не сможет быстро добиться настоящей экономической интеграции с Европой, продолжая при этом сохранять и субсидировать гигантские города в Сибири. В этом смысле россиянам придется изменить свою ментальную географию одновременно с принципами заселения и экономической деятельности и прекратить поиск технократических решений, которые, на их взгляд, могли бы сделать ситуацию, сложившуюся в экономической географии «России самосознания», более приемлемой.

Пора прекратить создавать мифы о Сибири. Россиянам стоит начать думать о бескрайних зауральских пространствах как о *российском пространстве*, а не как о *России*. В мыслях о России и ее экономической географии ключевая позиция сердца Родины должна быть возвращена историческому центру вокруг Москвы. Зауралье – это периферия, окраинная территория, подобная Северо-Западным территориям Канады или Аляске в США. Сибирь следует начать вновь рассматривать как отдаленный «ресурсный рубеж»³. Если российское самосознание продолжит ассоциировать себя со своей бескрайней территорией и Сибирью и искать там свои корни, России будет трудно двигаться вперед. Ключевым моментом является преобразование психологическое – преобразование России

Глава 10. Долой «потёмкинщину»!

фантазии в Россию реальности, снос «потёмкинской» России и преобразование России в нечто реальное.

Понятно, что позитивные преобразования и движение прямым курсом к оптимальному государству виртуального 1990 года невозможно осуществить путем крупномасштабной инверсии процесса, первоначально заславшего людей в Сибирь с применением открытого насилия. Однако очевидно, что сталинские методы принуждения к тому, чтобы увезти их обратно, недозволительны и что политика должна быть взвешенной и умеренной в своих ожиданиях. Люди не должны уезжать в массовом порядке, и задача вовсе не в том, чтобы любыми способами «очистить» эти регионы. Она заключается в том, чтобы дать людям возможность приблизиться к оптимальным уровням экономической деятельности, а значит, и численности населения, так, как то диктуют рыночные условия – без массированного государственного вмешательства. Даже без участия Сталина, и даже если бы россияне после революции поступали, «как канадцы», следовало бы ожидать определенного роста заселенности в регионах восточнее Урала. Проблема не в том, что Сибирь заселена, и не в том, что численность ее жителей возросла, а в том, что сейчас она перенаселена. Она была заселена и застроена городами до такой степени и таким образом, которого нельзя было бы ожидать, если бы преобладали тенденции, складывавшиеся до 1914 или 1926 годов, и если бы Россия в XX веке следовала основным тенденциям промышленно развитого мира (рыночным законам).

Более того, учитывая сопротивление российских политических лидеров широкомасштабному перемещению людей в постсоветской России, можно утверждать: даже пробудить в правительстве и народе восприятие идеи, что решение проблем экономического развития России заключается в уменьшении населения Сибири и миграции из нее, будет трудно. Как мы уже говорили, уменьшение городов, судя по всему, будет почти невозможным в том масштабе, в котором нуждается Сибирь для полного инвертирования растрат ресурсов, произошедших вследствие их изначального нерационального использования. При том что пространственное размещение российского населения и экономической деятельности может быть совершенно иным образом продиктовано чисто экономической эффективностью, надо принимать во внимание еще и ограничивающие обстоятельства.

Каковы же тогда насущные решения и методика? Каков минимум того, что Россия должна и способна предпринять для снятия остроты проблем? Каковы принципы поступательного продвижения и каков минимальный перечень того, что «можно», а чего «нельзя» российскому правительству?

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Максимизация мобильности

Государству необходимо избрать одним из своих главных приоритетов облегчение процесса перераспределения ресурсов в пределах Российской Федерации. Это следовало бы делать путем поддержки самого процесса перераспределения, а не непосредственным руководством им. Перераспределение – это стиль управления, основанный на стремлении оказать содействие в обеспечении максимальной мобильности людей и прочих факторов производства. Кроме того, российское правительство может взять на вооружение такой долгосрочный подход к проблеме, который бы не препятствовал адаптации. Этот процесс не застрахован от ошибок; некоторые меры окажутся неудачными. Может статься, что города и регионы, которые первоначально представлялись перспективными в смысле экономического роста и привлекательности для миграции, таковыми не окажутся (как в случае Северокавказского региона, где положительный прирост численности населения 1990-х происходил на фоне резкого и продолжительного экономического спада). Потребуется большое терпение, поскольку нельзя исправить все сразу.

Главным шагом на пути к формированию мобильности ресурсов является пересмотр концепции миграции и иммиграции. В кампаниях по освоению Сибири больше нет необходимости, потому российскому правительству не следует стремиться вновь заселить Сибирь. Сибирь очень нужна России, но россиян не надо заставлять или убеждать жить в Сибири. В политике российского правительства не стоит делать ставку на удержание людей за Уралом. Вместо этого важно не препятствовать тем, кто может или желал бы уехать. Процессом будут управлять рыночные силы, поэтому государству не следует ни препятствовать этому, ни пытаться направлять людей в особые, заранее подобранные пункты назначения. Всем своим развитием капитализм и рыночная экономика демонстрируют необходимость предоставления людям максимума мобильности, позволяющего им делать собственный выбор, и права на эксперимент – даже если они при этом ошибаются и государство не может проследить за возможными последствиями или предвидеть их. Таким образом, в основе всего лежит максимизация мобильности рабочей силы. Позволим же людям переезжать туда, куда они хотят, устраняя на этом пути явные и скрытые преграды!

Первостепенность утверждения общенациональных интересов

Российскому руководству надо быть искренними в вопросах будущего России и Сибири. Уменьшение параметров населенности Сибири отвечает национальным интересам России. Однако в своих попытках сделать это российское правительство будет постоянно сталкиваться с проблемой полномочий, которыми наделила развивающаяся российская демократическая система руководителей регионов – губернаторов, олигархов и прочих игроков в сибирской политической и экономической сферах. Все они материально заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать попыткам центрального правительства уменьшить демографический, а значит, и политический вес Сибири в рамках Российской Федерации, а также сохранить приток субсидий по программам нового развития этих регионов. Даже полпред Драчевский выступил приверженцем увеличения субсидий для территории в 2002 году вместо отстаивания общероссийских интересов.

Подобное случается и в других странах, например в США. Политические представители степных штатов США, в частности, сыграли основную роль в продлении сроков массированных субсидий в эти регионы в рамках ежегодной фермерской программы. Такая практика свидетельствует о том, насколько трудно правительству лавировать в среде материальных интересов. Это как раз тот самый случай, когда долгосрочный национальный интерес отстает за счет чьих-то весьма ощутимых (правда, краткосрочных) потерь. В подобном случае российскому федеральному руководству, включая таких лидеров, как президент Путин, и его представителям в округах нужно поставить себя над региональными интересами. Центру не следует выступать в качестве пристрастного сторонника реструктуризации Сибири. Важнее недвусмысленно показать, что будущее страны, а значит, и Сибири, зависит от сильной, единой и прочной России, чего невозможно достичь, если правительство будет постоянно закачивать ресурсы – в том числе и людские – из наиболее производительных районов в Сибирь.

Управление миграцией

Основная идея предыдущих глав этой книги заключается в том, что в основу будущего России должно быть положено развитие европейской части России – самой теплой и самой близкой к важным рынкам части страны. Поддержка добровольного движения насе-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

ления в этом направлении была бы весьма благоразумным делом для российского правительства. В числе шагов с его стороны могли бы стать наряду с прочими такие мероприятия, как отмена прописки и иных ограничений по постоянному проживанию в городах Европейской России и сосредоточение усилий на других методах принятия мер против неизбежного роста миграции в Москву. Миграцией надо управлять, а не ограничивать ее⁴.

Размышляя о содействии процессу переселения из Сибири, надо сознавать, что многие из людей, которые хотели бы уехать, слишком бедны для того, чтобы это сделать. Возможности их отъезда уменьшаются с ухудшением экономической обстановки в регионе. В идеале, российское правительство могло бы стать спонсором крупномасштабных программ по переселению – подобно тому, как это делалось некоторыми региональными правительствами, например, в Соединенных Штатах⁵. Однако Россия недостаточно богата, чтобы финансировать массовое переселение, да и населенных пунктов со свободными новыми рабочими местами не так уж много. В краткосрочном плане, российское правительство нуждается в использовании расширенных международных программ, подобных проекту Всемирного банка «Реструктуризация Севера». Эти программы должны помочь людям уехать из Сибири в европейскую часть России, а не просто переехать из наиболее захолустных поселений в более крупные города того же региона. К тому же они должны быть ориентированы на содействие переезду молодых и наиболее деятельных людей (это идет вразрез с современными мерами по переселению – например, на Чукотке, где приоритеты отданы переселению стариков и немощных людей в места, где их дешевле поддерживать). Частью процесса помощи должно стать еще и предоставление мигрантам государственного пакета социальных гарантий, включая жилищный сертификат переселенца, чтобы помочь людям порвать с их неофициальными сетями жизненного обеспечения. Пакет социальных гарантий, подкрепленный поддержкой государства, позволит людям самим принимать решение, оставаться или уезжать из Сибири⁶.

Помимо всего прочего, российскому правительству нужно будет выработать внятную политику по демографическим вопросам, миграции и иммиграции (легальной и нелегальной). В этом отношении у России много проблем, общих с США и другими европейскими странами, и требующих решения. Она как магнит притягивает к себе иммигрантов из менее развитых стран, которые готовы трудиться на низкооплачиваемых, непрофессиональных и малопрестижных рабочих местах, от которых отказываются ее собственные граждане. У России есть и свои специфические комплексы

Глава 10. Долой «потёмкинщину»!

проблем, включая вопрос, что же делать с теми иммигрантами, которые недавно переехали в стагнирующие регионы Зауралья? Здесь правительству следовало бы попытаться распорядиться той рабочей силой из Средней Азии, которая сейчас подыскивает себе работу в Сибири. Этим рабочих-иммигрантов надо направлять в жизнеспособные сектора на базе официальных контрактов, а не позволять им самим заполнять постоянно растущие вакансии на отживающих свой век предприятиях, пытающихся таким способом оставаться на плаву.

Но прежде всего российскую миграционную политику надо привести в соответствие с всеобъемлющей концепцией и видением развития России, а не с желанием оставить все как есть. Предлагаемые сегодня законопроекты по миграции основаны на проекциях 1990-х годов и, следовательно, на иллюзорном взгляде того времени на будущее. Миграционное законодательство необходимо переосмыслить в контексте мобильности населения России и демографически «облегченной» Сибири. Как и прочие промышленные экономики со взрослым и стареющим населением, Россия будет продолжать нуждаться в импорте рабочей силы для поддержания темпов своего экономического роста. В этом отношении Россия могла бы поучиться на опыте других стран и получить возможность внести свой вклад в международные дискуссии по этому вопросу.

Жизнеспособные города как магниты для миграции

В Российской Федерации есть один пример великого успеха – Москва. Столичный город всегда привлекал к себе наиболее интересные отечественные инвестиции в плане овецественного, финансового и человеческого капитала. Он отвлекает на себя бóльшую часть прямых иностранных инвестиций в Россию, что было бы радостно, если бы на Москве еще и не «сходился клином белый свет». Обеспечение развития остальной части страны – вот это действительно проблема. Здесь правительству стоило бы поддерживать и развивать уже идущие процессы, но опять-таки противостоять при этом соблазну направить поток инвестиций и вектор развития инфраструктуры в сторону корыстных политических интересов. Примером такого направления может послужить генеральная линия 1990-х годов, когда некоторые российские города, вроде Нижнего Новгорода, объявлялись почти мистическими местами, «локомотивами реформ»⁷. Инициативы по привлечению массированных иностранных и отечественных инвестиций в эти города

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

почти никогда не были успешными. Привлекательность таких мест больше основывалась на пробивной силе влиятельных политических личностей, чем на состоятельности местной экономики. В случае с Нижним Новгородом это были ведущие реформаторы – такие как руководитель «Яблока» Григорий Явлинский, бывший губернатор и заместитель премьер-министра Борис Немцов, бывший премьер-министр Сергей Кириенко и другие из числа тех, кто был прочно связан с городом и окрестным регионом.

Примечательно, что в 1990-е годы, когда такие города, как Нижний Новгород, привлекали к себе внимание иностранных правительств и субсидирующих агентств, они никоим образом не привлекали людей – не многие российские мигранты поехали туда. Следовательно, поворотным моментом в российском экономическом развитии станет то время, когда российские города и регионы начнут конкурировать друг с другом не ради привлечения иностранной помощи, инвестиций и федеральных бюджетных субсидий, а ради приезда туда простых россиян. Другой такой момент наступит тогда, когда Россия начнет составлять свой собственный список первой десятки наиболее благоприятных для проживания городов взамен современных списков самых крупных городов с самым обширным набором коммунальных услуг и с самым высоким уровнем потребления, оставшихся от советского периода, или негативный список наиболее неблагоприятных для проживания и наиболее загрязненных городов, из которых все без исключения хотели бы уехать при первой возможности⁸. В настоящее время большинство городов из негативного списка находятся на Севере и Дальнем Востоке. Процесс выявления наиболее привлекательных и пригодных для проживания городов России, основанный на том, сколько людей хотели бы туда переселиться, будет сигналом начала настоящего рывка в развитии России.

Вместо попыток предварительного отбора победителей российскому правительству стоит создать равные условия «игры», с тем чтобы победители могли выявляться по своим собственным меркам. Важно избавиться от преференциальных экономических зон и скрытого субсидирования определенных отраслей промышленности в специфических регионах, включая и Сибирь. Субсидирование, которое будет сохранено, должно быть настолько прозрачным, чтобы всем инвесторам (иностранным и отечественным) были известны правила игры. Руководствоваться нужно таким принципом, чтобы инвесторы, подобно мигрантам, могли направлять свой капитал туда, куда они хотели бы его направить, а не туда, куда, по мнению правительства, его следовало бы направить – даже если его хотели бы направить в Москву.

«Экономный подход» к освоению Сибири

Текущий подход к сохранению промышленности и существующего распределения рабочей силы в Сибири тоже следует переосмыслить. Британский географ Майкл Бредшоу (Michael Bradshaw) рекомендует России избрать «однозначно экономный подход к развитию Сибири и российского Дальнего Востока», при котором людей «заменяют» на технологию. Виктор Моут отмечал, что глобальная экономика может выжить без Сибири, но «Сибирь в отрыве от глобальной экономики будет владеть жалкое существование»⁹. Сегодня сибирские отрасли промышленности смогут выжить только через их интеграцию в глобальную экономику. А для этого требуется адаптация – главным образом из-за демографического кризиса и необходимости содействия миграции из сопредельных с Россией стран региона. Необходимо перейти от интенсивного использования труда к сберегающим труд технологиям и к тем отраслям промышленности, которые легко могли бы сократить кадры или использовать труд временных рабочих.

В результате этого в регионе вновь особое значение могут приобрести добывающая и энергетическая отрасли промышленности, которые будут нуждаться (и привлекать высокими зарплатами) в рабочих со стороны: вахтовым методом и на короткий срок. Как мы уже отмечали, сибирские города создавались или отстраивались в этом регионе, чтобы поставлять рабочую силу для крупных промышленных предприятий типа «Норильского никеля». Но уже в 1970–1980-х годах в экспортноориентированных энергетических отраслях промышленности, за исключением обрабатывающих отраслей, в Западной Сибири затраты стали снижать. Это достигалось путем использования труда рабочих из импровизированных временных поселений, в то время как их семьи постоянно проживали в отдаленных от них огромными расстояниями «базовых городах» – таких как Омск, Томск, Новосибирск, и Тюмень¹⁰. Несмотря на то что в советские времена зарплата в нефтеносных регионах, как, впрочем, и повсеместно в Сибири, была неплохая, совокупные затраты на рабочую силу были сравнительно невелики. Командировки и вахтовый метод считались более эффективными для государства в плане затрат, чем стабильная, стационарная рабочая сила. В начале 1980-х годов в Западной Сибири на долю этой новой мобильной рабочей силы приходилась примерно треть всей численности нефтяников и газовиков¹¹. Такая доля была нормой в российской нефтяной промышленности и сегодня становится повседневностью и в других добывающих отраслях промышленности еще более отдаленных районов Восточной Сибири и Дальнего Востока

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

(в частности, на золотых приисках в Республике Саха (Якутия), которая больше не может позволить себе содержать и субсидировать маленькие городки, понастроенные вокруг приисков для того, чтобы содержать там рабочую силу на постоянной основе)¹².

Превращение россиян в канадцев

Канада может стать подходящей моделью для России по части экономических взаимоотношений с Сибирью. Север Канады – это ресурсная база, но основная часть населения проживает вдоль границы с США, то есть люди селятся близко к рынкам и одновременно в самых теплых регионах страны¹³. Канадский Север осваивался с целью извлечения ресурсов, а не заселения. Согласно переписи канадского населения за 2002 год, Север Канады – Юкон, Нунавут и Северо-Западные территории – имеют общую численность населения 100 000 человек, что составляет менее 1 процента общей численности населения страны¹⁴. Разработка месторождений является одним из основных секторов промышленности как на Юконе, так и на Северо-Западе. При этом канадская добывающая промышленность – все северные отрасли промышленности вместе взятые – опирается на сезонную рабочую силу¹⁵. Канадская статистика по труду показывает, что фонд рабочей силы уменьшается в самые холодные зимние месяцы и снова увеличивается летом. Летних работников удерживают от постоянного переселения туда как высокая стоимость жизни, так и суровый климат¹⁶. Подобным образом дело обстоит и на американской Аляске – регионе, численность населения которого составляет всего порядка 0,2 процента жителей США. Городское население там очень невелико – лишь в одном городе число жителей превышает 100 000 человек. Большинство крупных городов Аляски располагается вдоль побережья, вблизи судоходных маршрутов, а не в глуби полуострова. Как и северные канадские территории, Аляска опирается на сезонную и мобильную рабочую силу, являющуюся оплотом ее экономики, а особенно нефтяной отрасли.

Если бы Россия стала поступать таким же образом со своей территорией восточнее Уральского хребта, можно было бы рассчитывать, что население в массе своей расселилось бы поближе к европейским рынкам в теплых регионах страны (в применении канадской модели к России, Европа была бы аналогом США). Можно было бы предположить, что в этом случае города на юге Сибири вдоль Транссибирской железной дороги и в регионах вдоль побережья на Дальнем Востоке значительно бы уменьшились. В отдаленных регионах, где находятся основные природные ресурсы, поселения

Глава 10. Долой «потёмкинщину»!

стали бы аванпостами с небольшой численностью постоянных жителей и с высокой степенью зависимости от сезонных работников, при производстве главным образом в летние месяцы.

Увязка российского Дальнего Востока с Северо-Восточной Азией

Немаловажно пересмотреть роль и потенциал российского Дальнего Востока вне связи с Сибирью. За исключением Транссибирской магистрали и трансконтинентальных авиамаршрутов, российский Дальний Восток слишком удален и разобщен с европейской частью России. Полюс его притяжения – Северо-Восточная Азия. В августе 2002 года на российском правительственном совещании во Владивостоке по вопросам будущего этого региона заместитель премьер-министра Христенко порекомендовал сосредоточить усилия правительства на обеспечении развития южных регионов Дальнего Востока, включая Хабаровск и Владивосток. Такой подход не лишен смысла. Близость южных регионов вдоль рек Амур и Уссури к Китаю с его многочисленным населением и рынками, разумеется, может стать скорее экономическим преимуществом, чем недостатком с точки зрения безопасности, как это обычно принято считать. Близость к тихоокеанскому побережью и морским путям предоставляет дополнительные экономические преимущества. В этом смысле портовый Владивосток часто рекламируется как «Ванкувер» или «Сан-Франциско» российского Дальнего Востока. Но, поскольку до развала СССР это был закрытый военный город (штаб Тихоокеанского флота) с весьма прочными связями с далекой Москвой, к его предполагаемому коммерческому потенциалу в пределах прилегающего к нему региона надо бы еще приглядеться.

На российском Дальнем Востоке существуют и некоторые другие помехи его будущему развитию. Под влиянием океана в его южной части не так холодно, как в северной, и, во всяком случае, не столь холодно, как во внутренних регионах Сибири. Но ни в коем случае и не «тепло»! Владивосток не идет ни в какое сравнение с портовыми городами Северной Америки. С населением в 600 000 человек и средней январской температурой -14° , он сильно отличается от Ванкувера, где проживают 2 миллиона человек, а средняя январская температура $+2,7^{\circ}$, не говоря уже о Сан-Франциско с населением в 7 миллионов и средней январской температурой $+9,2^{\circ}$. Владивосток, несмотря на свое расположение на Тихом океане, место холодное. В советские времена экономика Владивостока в очень значительной степени зависела от ВПК и крупных государственных

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

ных субсидий, обусловленных стратегической значимостью его положения у границ с Китаем и Северной Кореей и выходом в Японское море. Как и на остальной части российского Дальнего Востока, в глубинке доминировали добывающие отрасли промышленности, особенно лесная, по добыче полезных ископаемых и рыболовецкая. Ввиду постоянных трудностей в транспортировке по стране и немислимого расстояния до европейской части России всем этим секторам придется в будущем переориентироваться на тихоокеанские рынки. Производство товаров народного потребления и обрабатывающая промышленность, однако, продолжают оставаться в значительной степени недоразвитыми. Как упоминалось ранее, Дальний Восток не подключен к единой российской энергетической сети (как по электричеству, так и по газу) и полностью зависит от привозного топлива. Экономические соображения диктуют, что в будущем товары народного потребления и промышленные товары, как и топливо, придется импортировать из соседних стран, а не привозить из других регионов России. Дешевые китайские потребительские товары длительного пользования уже давно поступают туда через границу.

Единственная перспектива прибрежных регионов российского Дальнего Востока – освоение нефтяных и газовых ресурсов острова Сахалин, которое уже привлекло значительные инвестиции таких нефтяных гигантов, как «Экссон-мобил», «Шелл», и ряда азиатских компаний. Нефтеносные пласты шельфа Сахалина являются одними из новых энергетических резервов, разработка которых началась в России в последнее десятилетие. Ожидается, что на их долю к 2010 году будет приходиться до 10 процентов всего ежегодного производства нефти в России плюс производство существенных объемов газа и его сжижения (СПГ). Доступ к мировым судоходным маршрутам, непосредственная близость китайского, корейского и японского побережий и растущий спрос на энергию в этих трех странах – все это может обеспечить создание местного экспортного рынка для сахалинской энергии на десятилетия вперед.

Хотя амбициозные энергетические проекты на Сахалине уже идут полным ходом, все еще сохраняются некоторые препятствия, которые надо преодолеть. Предстоит решить довольно сложные технические задачи, связанные с шельфовыми месторождениями и зависящими от этого проектами по подготовке, переработке нефти и трубопроводной инфраструктуре. Их создают экстремальные зимние температуры в северной части острова, его неосвоенная территория, высокий уровень сейсмической активности и возможность нанесения серьезного вреда богатому местному рыбному про-

Глава 10. Долой «потёмкинщину»!

мыслу*. Кроме того, внутренние инфраструктуры Японии, Китая и Южной Кореи нуждаются в существенном совершенствовании для развития энергетических рынков и обеспечения их интеграции с российскими поставками. В то время как в регионе по мере развития энергосистемы рассматриваются еще и дополнительные строительные проекты – включая новые порты и газопровод на материк, а также ответвление от Транссибирской железнодорожной магистрали на Корейский полуостров, – все еще не ясно на чем же в конечном счете будет держаться энергосистема в долгосрочной перспективе? Энергетический бум на Сахалине, конечно, не должен привести к активизации попыток российского правительства по заселению Дальнего Востока или даже по остановке миграции с острова, главным образом из-за того, что энергетические отрасли промышленности отдадут большее предпочтение привлечению высококвалифицированных работников на основе вахтового метода. Потребуется несколько лет, чтобы стало возможным нанимать большое количество местных работников на подсобное обслуживание нефтяной и газовой отраслей промышленности¹⁷.

Неопределенность решений по этим проектам и неизменные региональные неблагоприятные условия заставляют серьезно задумываться над будущим Дальнего Востока. Экономист Владимир Конторович, например, считает уменьшение численности населения на российском Дальнем Востоке неизбежным, а современные программы по форсированному старту экономики Дальнего Востока с целью привлечения в регион мигрантов – заблуждением. В действительности, по утверждению Конторовича, даже самое незначительное улучшение в экономике региона превратит «отложенных мигрантов» (тех, кто хотел бы покинуть регион, но не сделал этого из-за нехватки ресурсов) в «мигрантов фактических»¹⁸. Различия между Дальневосточным регионом и европейской частью России в зарплатах, соответствующем общепринятым стандартам жилье и прожиточном минимуме сохранятся надолго. Конторович утверждает, что отъезд мигрантов следует расценивать как положительное явление: «Уменьшение численности населения поднимет зарплаты в регионе, так как численность людей рабочего возраста приблизится к количеству рабочих мест в жизнеспособном бизнесе. Это замедлит и, возможно, остановит отток населения»¹⁹. Иначе говоря, в конечном счете подобное равновесие будет достигнуто на Дальнем Востоке за счет естественной убыли, даже после улучшения экономической ситуации в регионе.

* Средние январские температуры на Сахалине – от -6° до -24° на севере. Средняя январская температура в столице острова Южно-Сахалинске составляет -13° .

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Конторович рекомендует программу сокращения экономики на Дальнем Востоке, дополненную попытками увязать разрозненные и недостаточно интегрированные во всех отношениях местные рынки²⁰. Развитие инфраструктуры (шоссе, компенсирующие разрыв между железнодорожными ветками и ненадежные водные пути) должно быть нацелено на соединение Амурской области, Хабаровского края и Приморского края друг с другом и с другими региональными центрами²¹. Это будет способствовать внутренней интеграции региона, пусть даже и без обязательной интеграции с остальной частью Российской Федерации. Конторович также отмечает, что границу с Китаем в Приморском крае следовало бы открыть для транзита в значительно большей степени, чем сейчас, чтобы по-настоящему осуществлять торговлю с северо-восточными китайскими провинциями и остальным северо-восточным Тихоокеанским регионом²². Наконец, он советует разрабатывать индивидуальные стратегии для отдельных дальневосточных подобластей на базе их жизнеспособных отраслей промышленности и местных условий вместо крупномасштабных программ регионального развития под патронажем российского правительства и региональных лидеров²³.

Обеспечение выживания остающихся в Сибири

Разработка реальной политики для подразделений региона и заимствование канадской и другой аналогичной методики может оказать помощь в реструктуризации экономики Сибири и обеспечении части населения новыми рабочими местами в прибыльных секторах промышленности. Но что делать с «избыточным» населением – с пожилыми или недостаточно квалифицированными людьми, или теми, кто содержится за счет «виртуальной экономики» и является ее частью; с теми, кому трудно найти работу где-нибудь еще и чье имущество в регионе ничего не стоит и не может быть продано для финансирования их переселения? Насколько правительство будет в состоянии обеспечить их существование, и сможет ли оно вообще это сделать? В этом случае, принимая во внимание реалии климата и структурные недостатки региональной экономики, следует сохранить снабжение топливом, продуктами питания и прочие дотации, чтобы сделать жизнь выносимой. Центральному и региональным управленцам придется примириться с этой неизбежностью и продолжить поддержку этих категорий граждан на грядущие десятилетия. Дотирование надо продолжить, но оно должно быть прозрачным, чтобы люди в Сибири и в других регионах Рос-

---

Глава 10. Долой «потёмкинщину»!

сии знали, кто, за что и почему платит. Все должно быть надлежащим образом включено в бюджет и подлежать отчетности.

Новые концепции безопасности

Наконец, России необходимо по-новому осмыслить вопросы безопасности Сибири и Дальнего Востока (сквозь призму *terra nullius*). Аналитики, серьезно занимавшиеся проблемами миграции китайцев на российский Дальний Восток, например Михаил Алексеев, не предвидят массового наплыва людей из Китая. Дальний Восток не слишком привлекателен для китайских мигрантов, которые зачастую используют его как плацдарм для дальнейшего перемещения по Российской Федерации и даже за ее пределы – хотя все это может измениться, если произойдет резкий поворот в экономике и появится больше возможностей для получения временной работы и для торговли²⁴. Необходимо учитывать и тот факт, что Россия не Канада и, в отличие от Канады, граничит с Китаем и многими другими странами (вместо одной – США), которые не всегда могут оставаться дружелюбными. Меры предосторожности и безопасности России действительно не следует ослаблять. Они могут включать установку датчиков, развитие новых сил быстрого реагирования и внедрение высокотехнологичных систем вооружений на дальневосточных границах, которые заменили бы развертывание и материальное обеспечение крупных традиционных сухопутных и морских вооруженных сил. Меры предосторожности могли бы включать в себя и новые международные соглашения с такими соседями России, как Китай и США, которые гарантировали бы территориальную целостность России и закрепляли ее суверенитет в Сибири и на Дальнем Востоке. Некоторые исследователи полагают, что частью этого подхода могло бы стать присвоение Сибири статуса всемирного наследия и особо охраняемой Организацией Объединенных Наций (или другой организацией) территории. Подобный статус, конечно, предусматривал бы поднадзорность этой уникальной экономической зоны и всех ее ресурсов исключительно Российской Федерации²⁵.

Заключение

Разумеется, нам не известны все подходы к российским проблемам и пути их разрешения, но в своей книге мы постарались исследовать некоторые из этих проблем и очертить круг вопросов, которые России придется решать в грядущие десятилетия. За прошедшие де-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

сять лет проблемы, связанные с экономической реформой и политическим развитием России, решались исходя из ложных предпосылок, потому новую исследовательскую и политическую программу для российского правительства придется выработать на совершенно иной основе пространственного размещения населения.

Чтобы это сделать, российскому правительству сначала важно было бы осознать первопричины освоения Сибири и нерациональность ее использования в XX столетии и смириться с этим. Заселение и индустриализация той Сибири, которую мы видим сегодня, были обусловлены множеством факторов и не были предопределены исторически. Наоборот, случившееся стало результатом сочетания изоляционистской политики разработки ресурсов, установки на необходимость заселения пустынных территорий из соображений безопасности, идеологических представлений о равномерном распределении производительных сил по всей территории страны и необходимости создания промышленности в каждом регионе, интересов национальной безопасности, диктовавших потребность в перемещении оборонных отраслей промышленности подальше от Запада, а также стремления нарастить военный потенциал восточных регионов России в связи с угрозой нападения с Востока. Все эти мотивы были взаимосвязаны и подпитывали друг друга. При этом главным орудием реализации соответствующих установок в Сибири долгое время была система ГУЛАГа.

Для того чтобы выйти на правильный путь, отказавшись от совершенно неверно выбранной исходной точки, России необходима активная государственная политика. Это вовсе не значит, что России нужно создавать собственную версию «антикоммунистического» централизованного планирования с целью исправления ошибок политики прошлого. Для достижения некоего оптимального результата государству необходим активный наступательный подход. России не решить своих проблем, полагаясь на одни рыночные механизмы, потому со стороны государства потребуются решительные действия по устранению препятствий и максимизации мобильности.

Под этими действиями подразумевается всероссийская политика, направленная на ослабление контроля, который региональные лидеры и олигархи имеют при принятии политических и экономических решений по Сибири и Северу. Под этими действиями подразумеваются согласованные акции правительства, направленные на то, чтобы покончить с официальными и неофициальными ограничениями постоянного проживания в Москве и других городах Европейской России. Эти действия потребуют формирования позитивных стимулов, таких как единократные выплаты или надбавки для тех, кто хотел бы переехать из сибирских регионов. Одним из спосо-

---

Глава 10. Долой «потёмкинщину»!

бов финансировать миграцию может стать создание специального фонда за счет государственных доходов от разработки сибирских природных ресурсов. Этот специальный ресурсный фонд должен использоваться не для того, чтобы удерживать людей на месте, а чтобы помочь тем, кто хотел бы, но слишком беден, чтобы уехать²⁶. Конечно, ни одна из этих мер не сработает при отсутствии экономического роста европейской части России. В определенном смысле это классический вопрос «курица или яйцо?»: людям трудно уезжать, если нигде устроиться на работу и найти жилье, но чем больше денег тратится на удержание людей в Сибири и облегчения их жизни, тем меньше средств остается для инвестиций в другие проекты.

В этом ключе российскому правительству стоит отказаться еще и от некоторых наиболее сомнительных методик выселения с обжитых мест и вывоза из Сибири и с Севера жителей преклонного возраста, потому что их содержание в Европейской России обойдется государству намного дороже. Приоритет должен быть отдан переселению сибирской молодежи. Молодые люди рабочего возраста могли бы применить себя с большей пользой в других регионах России. Обладая более высокой производительностью, они могли бы помогать в своего рода «субсидировании» пенсионеров, остающихся в Сибири. В то время как сети социального обеспечения у пенсионеров тесно связаны с цепочками неформальных, личных связей, молодежи легче порвать с ними и начать все заново. Хотя это и может показаться жестоким, задача содержания попавшего в беду старшего поколения – та крайняя мера, на которую можно пойти, хотя правительству, конечно, придется держать ее в поле своего зрения в ближайшие 20–30 лет. Многим странам приходится заниматься этой проблемой. Умирающие селения, где живут пенсионеры, – обычное явление в постиндустриальных и сельских местностях повсюду в Европе. В России со временем это может стать характерной чертой многих административных центров и городов Сибири.

Основное правило, о котором не стоит забывать: России нужно постараться улучшить взаимосвязь между наиболее продуктивными (или потенциально наиболее продуктивными) регионами и наиболее продуктивным капиталом, включая людей. Осмысливая этот принцип, надо признать, что богатства Сибири – это не только ее богатства – это богатства всей России! Так получилось, что часть российских богатств – ее природных ресурсов – находится в Сибири. Но Сибирь не может претендовать на них как на свою собственность, хотя олигархам и местным правительственным чиновникам очень бы этого хотелось.

Это часть российской проблемы. Опыт преуспевающих рыночных экономик показывает, что ресурсы нужно использовать таким

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

образом, чтобы максимизировать уровень их добавочной стоимости для процветания государства и населения. Целью является максимально возможное приращение богатства всей страны, чего надо добиваться наиболее эффективными способами, изыскивая сравнительные преимущества. Все иные соображения должны рассматриваться отдельно. Правительства многих стран пытаются обеспечить региональное равенство исходя из социальных, политических и этических соображений. При этом не существует экономического обоснования прав какого-либо региона претендовать на доходные статьи только из-за того, что ресурсы, за счет которых были получены эти доходы, физически размещены на его территории. В то время как другие правительства могут отдавать предпочтение или иметь в этом плане политические обязательства по оказанию поддержки издревле заселенным, но отсталым регионам своих стран (как Северная Италия массированно субсидирует Южную Италию), Россия вовсе не обязана этого делать. Сибирь – не тот регион, который был обжит столетия тому назад: до революции его коренные жители были малочисленны, и он был заселен и освоен в XX столетии.

Мы уже подчеркивали, что осознание этих фактов не означает, что российские лидеры окажутся перед «черно-белым» выбором: осваивать Сибирь или признать ее ненужной и отказаться от нее. Осваивать ресурсы Сибири нужно, но это следует делать, меньше опираясь на содержание огромного стационарного резерва рабочей силы в этой части страны. Разумно перейти к технологически интенсивным методам добычи, временным рабочим схемам, вахтовому методу освоения, не требующим большой численности постоянных жителей или мощной городской инфраструктуры.

В настоящее время освоение ресурсов Сибири обходится слишком дорого. Предприятия вне топливно-энергетического сектора не способны получать прибыль, достаточную для того, чтобы платить высокие зарплаты, привлекающие новых работников или удерживающие наличную рабочую силу. Вместо этого людей удерживают с помощью административных, нерыночных механизмов, не предоставляя им возможность уехать. Сибирь, по существу, «держится» за счет сохранения системы ГУЛАГа в ее смягченной форме, которая сначала заставляла людей отправляться на работу в Сибирь, а затем насильно их там удерживала. Сибирские ресурсы несомненно будут способствовать будущему процветанию России, и региональная экономика в один прекрасный день может стать жизнеспособной. Но для этого российскому правительству стоит отказаться от попыток во что бы то ни стало сохранить гигантские «потёмкинские» города, заброшенные советским планированием в те суровые сибирские условия.